

К.Е. Нетужилов

ЦЕРКОВНАЯ ЖУРНАЛИСТИКА В ЦАРСТВОВАНИЕ АЛЕКСАНДРА I

Статья посвящена анализу обстоятельств возникновения в России церковной журналистики в царствование императора Александра I. В центре внимания последствия реформы духовного образования 1807–1808 гг., деятельность Библейского общества и увлечения части образованного общества мистицизмом. Сопоставлены друг с другом внецерковный христианский журнал «Сионский вестник» и первый церковный журнал «Христианское чтение».

Ключевые слова: церковь, духовная журналистика, мистицизм, «Сионский вестник», «Христианское чтение», Санкт-Петербургская духовная академия.

Церковная журналистика дореволюционной России представляет собой сложный и до сих пор почти неизученный памятник истории общественной мысли. Ни одна другая социальная группа, никакое иное ведомство Российской империи не предложили обществу такого большого количества различных газет и журналов, какое предлагали в разное время православное духовенство и вся церковь в целом.

Возникновение церковной журналистики в нашей стране пришлось на время правления императора Александра I. Решающую роль в этом сыграла реформа духовных учебных заведений, проведенная в 1807–1808 гг.

«Дней александровых прекрасное начало» было проникнуто идеями просвещения. Впервые в отечественной истории под их реализацию была сформирована разветвленная государственная структура с Министерством народного просвещения во главе. С 1803 г. стало действовать «Положение об устройстве учебных заведений», положившее начало реформе системы образования. Все учебные заведения были разделены на четыре разряда – приходские и уездные (училища), губернские (гимназии) и университеты. Были сформированы учебные округа, центром каждого из которых становился определенный университет. Происходила модернизация учебных программ, резко увеличилось число учебных заведений и учащихся. Изменилось и общественное мнение – системное образование становилось престижным. На фоне этих изменений духовенство, считавшееся в предыдущем XVIII столетии наиболее образованным сословием в стране, смотрелось не лучшим

образом. Духовное образование, недостатки которого были очевидны уже в эпоху Екатерины II, в начале XIX века выглядело уже совершенно архаичным. Просвещенные деятели церкви, такие как Евгений Болохвитинов (в ту пору епископ Старо-Русский), митрополит Новгородский и Петербургский Амвросий (Подобедов) и некоторые другие критиковали духовную школу за засилье латинского языка, на котором преподавалось большинство дисциплин, а также за схоластику, эклектичность учебных программ, отсутствие учебников, слабую профессиональную подготовку самих преподавателей. Из всего этого выросло множество проблем – духовенство отрывалось от паствы, оказываясь в социально-культурном вакууме. Латинские цитаты одинаково не годились как для неграмотных прихожан деревенских церквей, так и для значительной части городских жителей, уже усвоивших элементы секулярной европейской культуры.

Первым практическим шагом к осуществлению реформы стало создание в ноябре 1807 г. Комитета по усовершенствованию духовных училищ, главная роль в котором принадлежала М.М. Сперанскому. Кроме него членами Комитета были обер-прокурор кн. А.Н. Голицын, митр. Амвросий, еп. Феофилакт (Русанов). Уже летом 1808г. на утверждение императору было предложено разработанное Комитетом (а фактически непосредственно М.М. Сперанским) «Начертание правил об образовании духовных училищ», в котором заключался проект необходимых преобразований. Основные принципы новой организации духовных школ в значительной степени были повторением системы светского образования, сформированной «Положением об устройстве учебных заведений» 1803 г. В каждой епархии (в 1808 г. их насчитывалось 36) предусматривались одна семинария, десять уездных училищ и некоторое количество приходских школ (в зависимости от числа приходов). Епархиальные учебные заведения входили в состав одного из четырех созданных духовно-учебных округов, во главе каждого из которых становилась академия. Общее руководство всей системой духовного образования возлагалось на Комиссию духовных училищ, которая, в свою очередь, подчинялась Св. Синоду.

Основательные изменения коснулись учебных планов и программ. Процесс обучения стал весьма длительным – шесть лет в уездном училище, шесть лет в семинарии и (для избранных) четыре года в академии. Кроме богословских, церковно-исторических и церковно-практических дисциплин новые учебные планы семинарий включали еще и историю, философию, словесность, географию, математику и физику. В академиях читались курсы по всеобщей и русской истории, эстетике, истории философии, высшей математике и т. д. Семинарские и академические программы предусматривали основательное изучение иностранных языков, как древних – латинского, древнегреческого и древнееврейского, так и новых – немецкого и французского.

Духовные академии, по замыслу М.М. Сперанского, не могли ограничиваться исключительно учебной деятельностью. Подобно университетам они должны были стать центрами научной жизни. Для органи-

К.Е. Нетужилов

зации научной работы внутри каждой академии создавалась Конференция по поощрению учености. Были обозначены требования для присуждения ученых степеней кандидата, магистра и доктора богословия.

Пробной площадкой для нововведений стала Санкт-Петербургская академия, преобразованная в 1797 г. из Александро-Невской семинарии. По складу внутренней жизни она заметно отличалась и от ее старших сестер – московской и киевской духовных школ, и от своей ровесницы в Казани. Особая специфика духовного образования в Санкт-Петербурге складывалась не только из того, что столичный статус прямо подразумевал некую образцовость во всех явлениях семинарско-академической жизни. Гораздо важнее была общая атмосфера подчеркнуто секулярного (несмотря на обилие церквей) города, «окна в Европу», бывшего главным проводником европейских интеллектуальных движений в России. Выпускников петербургских семинарии и академии в кругу коллег всегда отличали и широта кругозора, и более высокая степень умственной свободы. Московские духовные школы тоже гордились наличием собственной атмосферы, они также налагали на своих питомцев особый отпечаток принятого здесь стиля. Но этот стиль был принципиально иным, нежели в столице. Московская духовная академия располагалась в Сергиевом Посаде, в Троице-Сергиевой лавре. Отдаленность от большого города, деревенская тишина, древние молитвенные традиции сообщали ей, по определению современников, характер «полукиновии»¹.

Уже в 1809 г. Санкт-Петербургская академия первой в стране стала жить по новому академическому уставу. Набранным студентам выпало учиться в годы наполеоновских гроз, быть свидетелями патриотического подъема во время Отечественной войны 1812 г. и последовавших за ней заграничных походов.

Конечно, атмосфера духовной школы была принципиально иной, нежели та, в которой формировались умы и души будущих декабристов. Но важно то, что первые выпускники академии вышли из ее стен в эпоху прежде невиданного общественного подъема. Ощущение собственной причастности к историческому процессу, истине и справедливости, как желание реализовать себя на службе отечеству было в той же мере характерно в эту пору как для воцерковленных выпускников духовных школ, так и для будущих декабристов, создававших тогда свои первые тайные общества. Молодых бакалавров и магистров богословия увлекали, конечно, не либеральные конституционные идеи, не труды Адама Смита или история Великой французской революции. Расширение политического и исторического кругозора шло у них с углублением веры в промысел Божий, проявляемый как в истории всемирной, так и в судьбе России. Изданная в 1818 г. «История государства Российского» Н.М. Карамзина сделала предметным интерес образованного духовенства к отечественной истории – как гражданской, так и (в первую очередь) церковной.

В светском обществе того времени только что был пережит период всеобщей увлеченности энциклопедическим материализмом, престиж которого был теперь сильно подорван событиями французской револю-

ции и последовавшими после нее общеевропейскими кровопролитиями. Поверхностное вольтерьянство часто сменялось теперь столь же поверхностной религиозностью. Воспитанные в формальном православии и неформальном вольтерьянстве дети неверующих отцов – а именно таким, в значительной части, было образованное общество пушкинской эпохи – часто находили духовную пищу за пределами церкви. Сам император был в немалой степени примером для подражания в неопределенном межконфессиональном мистицизме. Многие церковные деятели того времени с тревогой констатировали формирующуюся на глазах системность неправославного мировоззрения, включающую в себя широкий спектр оттенков – от мистики до рационализма, от мракобесных суеверий до атеизма. Новизна ситуации была и в том, что впервые заходила речь не о давно привычном межконфессиональном противостоянии, а о борьбе веры с неверием.

Благодаря первым успехам в деле распространения образования к концу первой четверти XIX столетия в России возникло читающее общество. Это обстоятельство стало важнейшей предпосылкой для формирования книжного рынка. Оно же сыграло решающую роль в деле становления отечественной журналистики. Появление относительно массового читателя сулило возможность рентабельного издания периодических изданий. Это же можно отнести и к такой специфической области журналистики, как журналистика духовная. Вступившее в жизнь новое поколение священнослужителей по своему кругозору, по своим интеллектуальным и духовным запросам значительно отличалось от прежних поколений. Таким образом, ставшая насущной необходимость противостояния нехристианскому мировоззрению соединялась с возможностью использования в этих целях силы печатного слова, распространяемого через периодические издания.

Правительственная политика в первое десятилетие Александровского царствования также способствовала подъему журнального дела. 9 ноября 1804 г. был издан первый в России общий «Устав о цензуре». Этим уставом была узаконена предварительная цензура всех без исключения изданий. Общее руководство цензурой было возложено на Министерство народного просвещения. В основу устава были положены достаточно либеральные принципы, что повлекло за собой возникновение большого числа новых повременных изданий. В период с 1801 по 1811 г. в стране возникло 84 новых журнала. Правда, с 1811 г. ситуация несколько изменилась – при Министерстве полиции был учрежден Особый комитет для дополнительного цензурного контроля над периодикой, а главное, для надзора за самими цензорами. Таким образом, цензура Министерства просвещения фактически была подчинена Министерству полиции. Постепенно стала складываться достаточно разветвленная система ведомственных цензурных органов – кроме цензуры общей появились цензуры военная, иностранная, духовная, театральная и т. д.

Первые опыты, свидетельствующие о возможности появления в России востребованной читателем религиозно-ориентированной жур-

К.Е. Нетужилов

налистики относятся еще к концу XVIII столетия. Н.И. Новиков пытался издавать ряд религиозных журналов масонского характера – «Утренний свет» (1777–1780); «Вечерняя Заря» (1782). К.Х. Штурм выпускал в 1787–1789 гг. журнал «Беседы с Богом», в котором помещались переводы немецких пиетистов. Еще одним переводным пиетистским изданием был «Духовный год жизни христианина», попытку издания которого в 1814 г. предпринял Я.В. Уткин. Наконец, в 1806 г., а позже в 1817–1818 гг. выходил «Сионский вестник», издателем которого был А.Ф. Лабзин – конференц-секретарь, а позже и вице-президент Академии Художеств, основавший в столице масонскую ложу «Умиряющего сфинкса». А.Ф. Лабзин, пользовавшийся покровительством обер-прокурора кн. А.Н. Голицына, был в это время уже известным переводчиком масонской и мистической литературы. Еще при Павле I он (совместно с А. Вахрушевым) перевел на русский язык историю Мальтийского ордена; в первое десятилетие Александровского царствования он переводил и издавал за свой счет сочинения Юнга Штиллинга, Эккартсгаузена, Сен-Мартена, г-жи Гион и других авторов, мода на сочинения которых царил в образованном обществе той эпохи. Образцом для «Сионского вестника» послужил немецкий пиетистский журнал Пфенигера «Die christliche Monatsschrift», издававшийся в Бремене и достаточно хорошо известный российским читателям. Первый номер «Сионского вестника» (январь 1806 г.) открывался предисловием, в котором излагалась издательская программа. В ней А.Ф. Лабзин констатировал отсутствие в России, в отличие от других европейских стран, своего христианского журнала. Между тем, отмечал он, о назревшей его необходимости говорит широкое распространение иностранных периодических изданий соответствующей тематики. Таким образом, новый журнал предназначался для тех, кто не мог читать на иностранных языках. «Патриоту даже обидно вообразить, что его соотич, по неимению только потребных для него книг на природном его языке, осужден не знать и не иметь тех прав, какими пользуется иногда слуга его, если он иностранец; тем более оскорбительно было бы позволять ему одне и те же книги на чужом языке читать, а на своем природном нет, чрез что всякий явно побуждаем был бы предпочитать чужие языки своему»². Предисловие содержало и достаточно четкое описание читательской аудитории, на которую был ориентирован журнал: «Содержание будем согласовывать со вкусом читателей, которых предполагаем три рода:

- 1) Ученых, которым христианство не противно и которые желали бы в нем увериться;
- 2) Ученых, которые верят христианству и любят его;
- 3) Просто верующих, которым все то, где говорится о любезном им Спасителе, приятно, угодно и любезно»³.

А.Ф. Лабзин был одновременно и издателем, и редактором, и основным сотрудником своего журнала. Страницы «Сионского вестника» он наполнял собственными переводами пиетистских сочинений и описаниями различного рода мистических откровений, заимствованными из

иностранных журналов, а также присылаемыми его светскими корреспондентами, разглядевшими в своей повседневной жизни явственные, по их мнению, «знаки водительства Божия». В качестве примера содержания «Сионского вестника» приведем оглавление апрельской книжки журнала за 1806 г.:

- О Пасхе;
- О бессмертии;
- О истине христианства;
- О христианстве;
- Дружеские письма;
- Обращение парижской актрисы Готье, описанное ею самой;
- Да воскреснет Бог и расточатся враги его;
- Новейший пример благодати Божией;
- Любопытные известия⁴.

Митр. Филарет (Дроздов), хорошо знавший А.Ф. Лабзина, позднее писал о нем: «...много потрудился на духовно-литературном поприще и был добрый человек, только с некоторыми особенностями в мнениях религиозных... сколько прекрасных вещей, говорил я ему, можно было бы печатать с пользою для многих, не касаясь этих особенностей?»⁵.

В соответствии с традицией XVIII – первой половины XIX века журнальные статьи напечатаны, как правило, без указания имен авторов. Сам А.Ф.Лабзин подписывался псевдонимом – Феопемпт Мисаилов. Объем каждой книжки (а журнал был ежемесячным) составлял обычно 7–8 печатных листов. Печатался «Сионский вестник» сначала в типографии Академии наук, а позже в частной типографии Дрехслера.

На «Сионский вестник» был устойчивый читательский спрос. Журнал пользовался некоторое время даже правительственной поддержкой – в 1817 г., после десятилетнего перерыва, он был возобновлен по Высочайшему повелению. По представлению кн. А.Н. Голицына, ставшего незадолго до этого министром народного просвещения и духовных дел, журнал был освобожден от обыкновенной цензуры. Сам Лабзин был удостоен Высочайшего рескрипта и ордена за издание духовных сочинений на русском языке. Издание окупалось, хотя его владелец не ставил своей целью рыночный успех и наживу. В предисловии к первому номеру он прямо указывал: «Издатель по совести уверяет, что у него не корысть в предмете, и вероятно в том ему поверят; ибо не от таких книг корыстовать можно»⁶.

Возобновление «Сионского вестника» совпало с началом ожесточенной борьбы противников «государственного мистицизма». В начале 1818 г. А.Н. Голицыну была подана записка А.С. Стурдзы, составленная на основе разбора содержания журнала с церковных позиций. «Сионский вестник» обвинялся в произвольном толковании учения о благодати, отрицания значения книги Царств, кощунственном учении о первородном грехе и т. п.⁷ А.Н. Голицын после некоторого сопротивления был вынужден согласиться с введением духовной цензуры «Сионского вестника» и поручить ее архим. Иннокентию (Смирнову), ректору петербургской духовной семинарии, имевшему репутацию злейшего

К.Е. Нетужилов

врага мистицизма. А.Ф. Лабзин, не пожелавший изменить направление своего журнала, был вынужден прекратить издание.

Мистическое воодушевление, которым было охвачено российское образованное общество 1810–1820-х гг., оставило глубокий след в биографиях современников. Не только светские интеллектуалы, жизнь которых проходила, как правило, уже вдали от церковных стен, но и значительная часть духовенства, в том числе и многие видные иерархи, отдали ему дань. По образному замечанию прот. Г. Флоровского, в России в это время сформировалось «мистическое силовое поле»⁸. Поэтому в биографиях людей александровской эпохи достаточно часто встречаются упоминания о пережитом ими в жизни «мистическом» периоде или просто небольшом «мистическом» эпизоде.

Опыт «Сионского вестника» показал, что периодическое издание духовного направления уже может быть вполне востребовано российским обществом.

Инициатором создания христианского журнала стал будущий митрополит Санкт-Петербургский, а в то время ректор столичной духовной академии архимандрит Григорий. Архимандрит Григорий (в миру Георгий Петрович Постников) (1784–1860) получил образование в Московской Троицкой духовной семинарии. В 1809 г. его в числе других лучших семинаристов определили для продолжения учебы в только что реформированную Санкт-Петербургскую Духовную Академию. Окончив ее в 1814 г. со степенью магистра богословия, Г.П. Постников сразу принял постриг, став монахом Григорием. С 1814 г. он преподавал в академии богословие, в 1816 г. был назначен ее инспектором. В 1817 г. иеромонах Григорий получил ученую степень доктора богословия и был возведен в сан архимандрита. Тогда же, в 1817 г. архим. Григорий стал экстраординарным профессором Академии. Наконец, в 1819 г. он был назначен ее ректором⁹. Архим. Григорий был очень популярен как преподаватель. Занятия вел всегда на русском языке (а не на латыни, как было принято прежде). Новаторство его выражалось и в том, что Священное Писание он разбирал на лекциях по русскому, а не по славянскому переводу. Арх. Григорий вообще был в числе самых горячих сторонников русского перевода Библии. Прот. Г. Флоровский в кратком очерке о Григории (Павском) отмечал, что тот обычно старался избегать догматических тем, предпочитая им нравственное богословие; причем всегда ощутимым было влияние «когда-то читанных и прочитанных им английских назидательных книг и брошюр начала века»¹⁰. К сожалению, большая часть архива академии безвозвратно пропала в советское время, поэтому реконструкция событий возможна лишь по немногим опубликованным до революции фрагментам. Запись в журнале академической конференции, относящаяся к 1820 г., сообщает: «Академии ректор архимандрит Григорий предложил: не полезно ли было с будущего года начать при академии повременное христианское издание? – Все немедленно подтвердили пользу того, а некоторые и решительно объявили себя участниками в сем издании»¹¹. Была составлена редакция журнала, в которую кроме самого ректора вошли еще во-

семь человек из числа преподавателей академии, а именно: ректор семинарии архим. Поликарп (Гойтанников), инспектор академии архим. Нафанаил (Павловский), профессора прот. Г. Павский, Я. Ветринский, М.В. Себржинский, проф. Ф.И. Ветринский, преподаватели Г. Меглицкий, И. Певницкий, В. Оржевский. Все они без исключения были выпускниками трех первых выпусков обновленной академии. Свое credo они изложили в издательской программе, помещенной в предисловии к первой книжке журнала. Целью издания было объявлено христианское просвещение, основанное на Св. Писании, так как именно в Писании «содержатся истины, которые должны составлять христианское просвещение; в нем находятся правила, которые должны быть правилами христианской жизни»¹². Это обстоятельство могло вызвать и отчасти действительно вызвало определенные подозрения в том, что редакция действительно отклоняется от православной традиции, вытесняя на второй план Св. Предание. Но редакция обещала обращаться и к святоотеческим сочинениям, причем оставляя за собой право их критического отбора. Обоснование права на отбор выглядело довольно дерзко для своего времени и отражало взгляды богословов новой, уже реформированной школы. «Ибо лучшие новейшие истолкователи Писания и богословы знают коренные языки Писания лучше и многие из них определяют смысл Писания вернее, беспристрастнее к своим мнениям и началам какой-нибудь философии, нежели большая часть из них в прошедшие и наипаче в средние времена христианства»¹³. Конечно, речь здесь ни в коем случае не шла о какой-либо ревизии святоотеческого наследия в целом. Налицо, скорее, просветительское стремление сформировать корпус святоотеческих сочинений наиболее актуальных в свете задач эпохи и сделать его основой для массового чтения. В течение 1820–1830-х гг. на страницах «Христианского чтения» были опубликованы многочисленные сочинения Дионисия Ареопажита, Макария Великого, Игнатия Богоносца, Антония Великого, Ефрема Сирианина, Василия Великого. В выборе сочинений именно этих отцов церкви, при желании, можно увидеть проводимую редакцией журнала тенденцию – издавать на русском языке фундаментальные для христианского богословия произведения.

Большинство сотрудников первой редакции «Христианского чтения» имели за плечами опыт участия в деятельности Библейского общества, двое из них – ректор академии архим. Григорий (Постников) и ректор семинарии архим. Поликарп (Гойтанников) – были его вице-президентами. Все они без исключения были сторонниками перевода Библии на русский язык (вокруг возможности такого перевода в это время велись острые споры среди иерархии). Публикация на русском языке святоотеческих сочинений была, с их точки зрения, первым шагом на пути «новой» христианизации общества.

Сразу бросается в глаза и выбранное редакцией название. В последующие десятилетия, когда счет церковных журналов и газет шел уже на десятки, употребление в их названиях прилагательного «христианский» почти не встречается, в отличие от прилагательных «православный» или

К.Е. Нетужилов

«церковный». Это обстоятельство также свидетельствует о мировоззрении редакции: ее противостояние духу века сего проходило по линии «христианский» – «нехристианский», а не углублялось в межконфессиональные противоречия. Подобная позиция отразила полуофициальные религиозно-политические взгляды императора Александра I, связанные с идеей создания евангельского государства. Идея евангельского государства – т. е. государства общехристианского – возникла в ближайшем окружении императора вскоре после окончания наполеоновских войн. К этому времени Российская империя окончательно превратилась в многоконфессиональную страну. В результате завоеваний XVIII – начала XIX века вокруг православного ядра внутренних губерний «древнерусского» происхождения сформировался обширный пояс неправославных территорий. Государство уже не могло отождествлять себя с «Православной Русью». Подданными русского царя были теперь миллионы католиков и протестантов Польши, Литвы, Прибалтики и Финляндии. Многоконфессиональность дополнялась разностью языков, культурных и политических традиций. Начинался классический кризис империи – внешние победы и завоевания неизбежно готовили внутренний взрыв. Решение проблемы исключительно в политической плоскости было невозможно. Сложившаяся объективно ситуация как нельзя лучше отвечала религиозно-политическим исканиям Александра I. Тема создания евангельского государства в России довольно подробно освещена в современной историографии¹⁴. Одной из его целей было предотвращение религиозной розни в стране. Отсюда стремление к воспитанию в духе общехристианских ценностей, избегание жесткого догматизма. В рамках идеи общехристианского государства логично выглядят такие знаковые инициативы александровской эпохи как Библейское общество, Министерство просвещения и духовных дел, Священный союз и т. п. Наречение новоявленного журнала «Христианским чтением» очень созвучно настроениям эпохи и, может быть, было расчитано на высочайшее одобрение. На приверженность редакции общехристианским ценностям указывает и выбранный ею эпитафия из послания апостола Павла к ефесянам: «наздания бывшие на основании апостол и пророк» («бывши утверждены на основании апостолов и пророков») (Еф. II: 20). Для того чтобы читатель мог оценить смысл эпитафия в контексте, процитируем это знаменитое апостольское послание более полно: «Итак, вы уже не чужие и не пришельцы, но сограждане святым и свои Богу. Бывши утверждены на основании апостолов и пророков, имея самого Иисуса Христа краеугольным камнем, на котором все здание, слагаясь стройно, возрастет в святой храм в Господе» (Еф. II: 19, 20). Для начитанных в Св. Писании современников этот эпитафия однозначно должен был служить отсылкой к идеям Библейского общества. Неслучайно спустя два десятилетия (в 1842 г.) во время протасовского «обратного хода» этот эпитафия был сочтен неуместно притязательным и заменен на более нейтральный, из первого послания к Тимофею: «...да увеси, како подобает в дому Божия житии, яже есть Церковь Бога жива, столп и утверждение истины» («Чтобы, если замедлю, ты знал, как должно по-

ступать в доме Божьем, который есть Церковь Бога живого, столп и утверждение истины» (I Тим. III: 15). Еще позже, с середины 1860-х гг., оба эпиграфа ставились вместе.

Важнейшей задачей журнала редакция считала христианскую апологетику. В программе об этом было сказано прямо, причем с чрезвычайно смелой для того времени констатацией неблагополучия в родном отечестве: «...дух вольномыслия и неверия бесчисленной толпы в западном христианстве, посредством чтения иностранных книг, давно уже проник в отечество наше; и, бродя по разным классам народа, проникает в умы и сердца некоторых даже из низших классов»¹⁵. В качестве инструмента для борьбы с духом вольномыслия в журнале учреждался отдел, в котором помещались материалы апологетического характера.

Во время редакторства архимандрита (с 1822 г. епископа) Григория с 1821 по начало 1825 г. в связи с его личными пристрастиями отчетливо ощутим назидательный характер журнала.

Ряд признаков указывает на наличие генетической связи «Христианского чтения» первых лет издания с «Сионским вестником». Дань мистицизму выплачивал раздел «Сообщения о чудесных явлениях». Это была своеобразная «мистическая хроника». По этому поводу редакция прямо заявляла следующее: «В нашем отечестве весьма редко приходят в известность благодатные действия Св. Духа на сердца человеческие. Посему пригласить при объявлении при сем издании всех любителей христианства и наипаче людей духовного звания о таковых действиях извещать издателей, для содействия оных явными к славе Божьей»¹⁶. Этот раздел просуществовал вплоть до начала 1860-х гг. (последняя публикация такого рода состоялась в 1862 г.). Правда, в отличие от «Сионского вестника», внимание редакции привлекали не случаи чудесного обращения, а известия о чудесных исцелениях (что, конечно, менее «мистично», но зато лучше согласуется с православной традицией). Случались, впрочем, и явно переводные сообщения о чудесах и знамениях. На протяжении первых полутора десятилетий на страницах «Христианского чтения» исправно размещались материалы с заголовками, варьирующими одну и ту же тему: «Чудесное исцеление одной девицы в день воскресения Христова» (1821, II, 346), «Чудесное исцеление крестьянки Авдотьи Тихоновой» (1827, XXVI, 353) и т. п. Начиная с конца 1830-х гг. подобные публикации встречаются уже значительно реже (раз в несколько лет), а потом, к середине 1840-х гг., они и вовсе прекратились. Произошла смена поколений – в редакцию журнала пришли новые люди, воспитанные в традициях нового царствования.

Известие о начале издания христианского журнала стало своеобразной сенсацией, причем не только внутри церковной ограды. Безусловно, наибольший интерес был проявлен со стороны духовенства. Но и светские читатели обратили внимание на незаурядный почин академической корпорации (отчасти это можно объяснить относительно невеликим в то время общим числом периодических изданий; отчасти высоким уровнем тогдашнего интереса к около-религиозной проблематике). Во всяком случае, журнал сразу стал издаваться огромным для того време-

ни тиражом. Если первоначальный план издания предполагал тираж в размере 1200 экз. (что уже было немало в ситуации, когда коммерчески оправданным было издание 350–500 экз.), то к концу 1820 г., накануне выхода первого номера, число подписчиков приблизилось к трем тысячам. Это был поистине сенсационный успех (притом, что подписная цена была довольно высока – 25 руб. ассигнациями в год без пересылки и 30 руб. с пересылкой)¹⁷. Среди подписчиков «Христианского чтения» были не только представители духовного сословия. Более того, рискнем предположить, что рядовое духовенство как раз было в меньшинстве – стоимость подписки чаще всего была для него непосильной. Рекордная подписка, по нашему мнению, обеспечивалась за счет участия в ней коллективных клиентов в лице различных церковных учреждений. Это участие еще не носило обязательного характера (как будет во второй половине столетия). Епархиальные архиереи, почти все без исключения люди старой закалки, должны были с осторожностью смотреть на небывалое в их век явление. Но привычка не только исполнять синодские циркуляры, но еще и внимательно прислушиваться к негласным веяниям, исходящим из высших петербургских сфер, формировала определенное корпоративное поведение. Не будем забывать и о том, что у подавляющего большинства епископов того времени был немалый опыт обязательного участия в деятельности Библейского общества, покрывавшего страну густой сетью своих филиалов (на 40 епархий приходилось 55 отделений и 177 сотовариществ общества)¹⁸. Поэтому у епархиальных властей уже был немалый навык распространения печатного слова, вышедшего из недр Библейского общества. Руководители епархиальных структур – епископы с викариями, секретари духовных консисторий, ректоры церковных учебных заведений, благочинные – все они по положению своему в большей или меньшей степени были причастны к организации подписки. Духовные семинарии и академии выписывали сразу по пять экземпляров (причем для библиотеки, т. е. для учащихся, предназначался из них только один; остальные распределялись по одному экземпляру епархиальному архиерею, ректору, инспектору и смотрителю духовных училищ). Пять экземпляров для своих читателей заказывала Императорская Публичная Библиотека. Членам Св. Синода, министрам и некоторым другим высокопоставленным сановникам экземпляры «Христианского чтения» высылались в дар. По одному экземпляру преподносилось в дар на Высочайшее имя – императору с императрицей (интерсно, что в качестве препроводителя этого дара выступал никто иной, как А.Ф. Лабзин, занимавший в начале 1820-х гг. пост вице-президента Академии Художеств)¹⁹.

Первый номер или, как говорили в то время, первая книжка журнала вышла в свет в январе 1821 г. Не очень качественное типографское исполнение (у Академии не было своей полиграфической базы, журнал печатался в Медицинской типографии) несколько портило общее впечатление от нее. Содержание первого номера подчеркивало программу журнала. Вслед за ее изложением сразу следовало знаменитое святоотеческое творение – «Послание к ефесянам» Св. Игнатия Богоносца с

примечаниями к нему. В следующем разделе, озаглавленном «Изыскания и рассуждения о христианской религии», были напечатаны два трактата: «Философско-богословское рассуждение о религии», в котором давался обзор основных философских систем того времени в их отношении к религии, и некое «Слово Божье в природе» (явный перевод с немецкого). Следующий раздел («Христианское учение») содержал статью «Некоторые правила жизни для христианского юношества». Завершался выпуск своего рода десертом из легкого чтения – «Полезные мысли на каждый день месяца» – 31 афоризм духовно-нравственного характера. Все это было изложено на 114 страницах, что составляло 7 листов. По этому образцу формировались и последующие номера журнала. Каждые три книжки журнала складывались в один том с общим оглавлением (их можно было переплести вместе). Таким образом, всего в год издавалось четыре тома «Христианского чтения».

Популярность нового журнала продолжала оставаться высокой вплоть до конца 20-х гг. XIX в. Основные разделы содержания почти не менялись вплоть до окончания николаевского царствования. В 1830–1840 гг. содержание журнала состояло главным образом из святоотеческих сочинений в русском переводе (примерно сорок процентов от общего объема каждой книжки) и образцов церковного красноречия (еще сорок процентов). Оставшиеся двадцать процентов делили между собой разделы «христианское учение» (о посте, об исповеди, о злословии и т. п.) и так называемые «назидательные размышления» (в последних довольно часто встречается авторство московского митр. Филарета (Дроздова). Очень редко и в минимальном объеме помещались материалы по духовной истории. Святоотеческие переводы отличались, как правило, высоким академическим уровнем, за ними особенно тщательно и придирчиво наблюдали, как и за комментариями к ним. Так, в 1828 г. митр. Филарет (Дроздов) направил Св. Синоду подробный разбор ряда статей прот. Г.П. Павского, посвященных сочинениям св. Григория Богослова: «Просматривая, поколику время позволяет последние книжки “Христианского чтения”, встретил я некоторые места, в которых истина представлена не со всею должною точностью, и от которых должно опасаться соблазна в книге, коея назначение есть назидание христианских читателей всякого звания (далее следует длинный перечень замечаний специального богословского характера. – *К. Н.*) ... по таким местам, встречающимся в “Христианском чтении”, ни мало не подозревая ни сочинителей, ни издателей, ни цензоров в недостатке православия, но примечая некоторый недостаток точности при благонамеренной мысли, принял я долгом присяги доложить о сем на усмотрение Св. Синода, не признано ли будет нужным подтвердить цензуре о усилении внимания и осторожности при рассмотрении сочинений»²⁰. Реакция Синода была мгновенной – в тот же день состоялось определение (от 30 ноября 1828 г.) предоставить Комиссии духовных училищ сделать петербургскому Комитету для цензуры духовных книг «надлежащее подтверждение о усилении впредь внимания и осторожности». Даже в столь стесненных тематических и цензурных рамках публика-

К.Е. Нетужилов

ции «Христианского чтения» время от времени вызывали заметный общественный резонанс. Так, настоящим событием, принесшим журналу огромный успех, стала публикация сочинений архиепископа Иннокентия (Борисова) «Жизнь святого апостола Павла» и, особенно, «Последние дни земной жизни Иисуса Христа» (1829), до сих пор остающихся одними из лучших произведений русской духовной литературы. Книжки «Христианского чтения» с сочинениями архиеп. Иннокентия были столь популярны, что потребовался дополнительный тираж соответствующих номеров журнала. В 1842 г. в разделе «назидательных размышлений» была напечатана «Речь к воспитанникам дворянского полка при выпуске их в офицеры» священника Иоанна Рождественского, также наделавшая много шума в обществе. В более позднее время «Христианское чтение» постепенно утратило общественный характер и стало приобретать вид специального академического издания. Его содержание стало все больше напоминать расписание семинарско-академических занятий: разделы журнала соответствовали базовым учебным курсам духовной школы.

Примечания

- 1 *Ростиславов Д.И.* С.-Петербургская академия до графа Протасова. СПб., 1872.
- 2 Сионский вестник. 1806. № 1. С. 8.
- 3 Там же. С. 10.
- 4 Сионский вестник. 1806. № 4.
- 5 Из воспоминаний митр. Филарета // Православное обозрение. 1868. Т. II. С. 522.
- 6 Сионский вестник. 1806. № 1. С. 10.
- 7 *Стурдза А.С.* Записки // Русская старина. 1876. Т. XV. С. 268.
- 8 *Флоровский Г., прот.* Пути русского богословия. Париж. 1983. С. 137.
- 9 *Родосский А.* Биографический словарь студентов первых XXVIII курсов С.-Петербургской Духовной Академии: 1814–1869 гг. СПб., 1907. С. 118–121.
- 10 *Флоровский Г., прот.* Указ. соч. С. 185.
- 11 Цит. по: *Лопухин А.Н.* Семидесятилетие духовно-академического журнала «Христианское чтение» (1821–1895) // Христианское чтение. 1896. I. С. 4.
- 12 О цели и предметах предлагаемого «Христианского чтения» // Христианское чтение. 1821. I. С. 9.
- 13 Там же. С. 10.
- 14 *Вишленкова Е.А.* Религиозная политика: официальный курс и «общее мнение» России александровской эпохи. Казань. 1997; *Цамутали А.Н.* Александр Николаевич Пыпин и его труды по истории религиозных движений в России в первой четверти XIX в. / Пыпин А.Н. Религиозные движения при Александре I. СПб., 2000.
- 15 О цели и предметах предлагаемого «Христианского чтения» // Христианское чтение. 1821. I. С. 17.

Церковная журналистика в царствование Александра I

- 16 Там же.
- 17 РГИА. Ф. 807. Оп. 1. Ед. хр. 64.
- 18 *Пытин А.Н.* Религиозные движения при Александре I. СПб., 2000. С. 76.
- 19 РГИА. Ф. 535. Ед. хр. 51.
- 20 Предложение митр. Филарета Св. Синоду о замеченных им неточностях в статьях журнала «Христианское чтение» (1828, 30 ноября) / Собрание мнений и отзывов Филарета, митрополита московского и коломенского по ученым и церковно-государственным вопросам. Т. II. СПб., 1885. С. 246–249.